

Обойдя вниманием 75-й юбилей того, что прежде пышно именовалось Великой Октябрьской социалистической революцией, мы пытаемся сегодня осмыслить другую, прямо вытекающую из этого события кровавую годовщину — 75-летие гибели царской семьи, расстрелянной в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. К этой дате издательство «Вагрийс» выпускает новую книгу Эдварда Радзинского «Господи... Спаси и умири Россию. Жизнь и смерть Николая II». С любезного разрешения автора и издательства публикуем отрывок из заключительной части книги.

Ипатьевская ночь

ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ДНЯ

За три дня до расстрела Николай оборвал свой дневник. Она продолжала. Она довела их повесть до конца.

«1 июля (14), воскресенье. Прекрасное летнее утро. Едва проснулась из-за спины и ног... В 10.30 была большая радость — служили обедню. Молодой священник — он приходит к нам уже во второй раз...»

Было воскресенье. И пока новый лидер страны атеист Ульянов отдыхал на даче в Кунцево, прежний лидер страны арестант Романов получил разрешение на богослужение.

Обедню, которую заказала Семья, пригласили служить отца Сторожева. Он уже служил однажды в Ипатьевском доме, и Юровский согласился позвать его во второй раз.

Когда отец Сторожев вошел в зал, Семья уже собралась. Алексей сидел в кресле-каталке, он очень вырос, но лицо его было бледно после долгой болезни в душной комнате. Александра Федоровна была в том же сиреневом платье, в котором ее увидел отец Сторожев во время первой службы. Она сидела в кресле рядом с наследником. Николай стоял — он был в гимнастерке, в защитных брюках и сапогах. Дочери — в белых кофточках и темных юбках. Волосы у них отросли и уже доходили до плеч. Сзади за аркой стояли доктор Боткин, слуги и мальчик-поваренок Седнев.

По чину обедни надо было прочесть молитву «Со святыми упокой». А дьякон вдруг почему-то зашел.

И священник услышал, как сзади вся Семья молча опустила на колени. Так, на коленях, встретили они эти слова: «Со святыми упокой».

Конечно же, это он первым опустился на колени. Он, царь, который всегда знал, что участь царя «в руке Божией».

И еще он знал: скоро! Совсем скоро.

На обратном пути дьякон сказал отцу Сторожеву:

— У них там что-то случилось... Они стали какие-то другие.

ЗАБОТЛИВЫЙ КОМЕНДАНТ

В эти дни часто отлучался из дома Юровский. Вместе с верх-исетским комиссаром Ермаковым он ездил в деревню Коптяки — 18 верст от Екатеринбурга. Там, недалеко от деревушки, в глухом лесу находились заброшенные шахты...

Юровский знал, что расстрел Романовых —

это только начало. А потом будет самое трудное: захоронить, чтобы не нашли.

«Семья эвакуирована в надежное место...» И Юровский с Ермаковым искали здесь это надежное место.

Она: «2 июля (15), понедельник. Серое утро, дальше — вышло солнышко. Ланч — на кушетке в большой комнате, пока женщины, пришедшие к нам, мыли полы. Затем легла в кровать опять и читала вместе с Марией. Они уходили (гулять) дважды, как обычно. Все утро Татьяна читала мне духовное чтение. Я чувствую, Владимир Николаевич опять не придет. В 6.30 Бэби принял вторую ванну. Бэзи, в 10.15 пошла в кровать... Слышала гул артиллерийских выстрелов в ночи и несколько выстрелов из револьвера».

Владимир Николаевич — доктор Деревенко. Не мог разрешить комендант приходить ему в эти последние дни. Точнее, в предпоследний день.

Женщины, которые мыли пол в предпоследний день, рассказали потом, что пол приказали вымыть всюду: в комнатах Семьи и внизу — на первом этаже, где жила охрана. Вымыли они пол и в той комнате.

Починили электричество, поставили решетку, помыли полы... Обо всем подумал Юровский.

В эти дни завершились записи в книге дежурств караула:

«10 июля заявление Николая Романова об открытии окон для проветривания помещений, в чем ему было отказано».

11 июля. Была обычная прогулка семьи: Татьяна и Мария просили фотографического аппарата, в чем, конечно же, им было отказано комендантом».

Да, в доме был фотоаппарат. Тот самый, конфискованный у царицы, когда впервые она вошла в Ипатьевский дом. Аппарат лежал в комендантской бывшей фотографа Якова Юровского.

Сын чекиста Михаила Медведева: «Отец говорил, что в «Американской гостинице» в эти дни было совещание. Его проводил Яков Юровский. Участие в расстреле было добровольным. И добровольцы собрались в его номере... Договорились стрелять в сердце, чтобы не страдали. И там же разобрали — кто кого. Царя взял себе Петр Ермаков. У него были люди, которые должны были помочь тайно захоронить трупы».

И главное, Ермаков был единственным

среди исполнителей политкаторжанином. Это был один из самых почетных титулов среди революционеров. Отбывший каторгу за революцию!

Царицу взял Юровский, Алексея — Никулин, отцу досталась Мария. Она была самая высоконькая».

(Михаил Медведев мог считать себя обиженным. Следующий почетный титул революционера — политзаключенный. Им и был Михаил Медведев — профессиональный революционер, бывший матрос, отсидевший в царской тюрьме. Его настоящая фамилия — Курдин; Медведев — партийный псевдоним по одному из бесчисленных паспортов во время партийной работы в Баку. С 1918 года работал в ЧК. Это было не так часто среди «старых» революционеров. Как правило, они отказывались работать в ЧК: не хотели арестовывать эсеров — сподвижников по прежней борьбе с царем).

Остальные княжны и челядь достались однофамильцу чекиста Медведева — Павлу, начальнику охраны в Ипатьевском доме, еще одному чекисту — Алексею Кабанову и шести лагашам из ЧК.

Юровский договорился: ровно в полночь во двор должен был въехать грузовик. С грузовиком должен был приехать Петр Ермаков. Грузовик этот должны были забрать из гаража Совета. И заменить шофера.

За руль должен был сесть Сергей Люханов — шофер автомобиля при Ипатьевском доме. На этом грузовике и должны были увезти их трупы.

В городе было беспокойно. Юровский назначил пароли. Пароль в день казни был «трубочист».

Они обожали революционную риторику, именно «трубочист», ибо они собирались чистить грязные трубы истории...

Теперь оставалось решить, где совершить казнь. Сомнений у коменданта не было. Рядом с кладовой была та комната — он ее сразу приметил: комната выходила в глухой Вознесенский переулок. На окне ее была решетка, и окно это утыкалось в косогор. Так что комната была полуподвальная, и если зажечь свет, его совсем не будет видно на улице из-за высокого забора...

Время было голодное. Работать придется всю ночь. И Юровский разрешил монашкам из монастыря принести молоко и корзину яиц — для Алексея. И попросил лучше укладывать яйца, чтоб не бились. Он позаботился обо всем.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В тот последний свой день, 16 июля, они встали в 9 утра. Как всегда, собрались в комнате отца и матери и вместе молились.

Раньше они часто пели хором — херувимскую песнь и другие духовные песни. Но в последние дни (как отмечали стрелки охраны) они не пели.

В 9 утра, как всегда, пришел в Ипатьевский дом комендант Юровский. В 10 они пили чай, а комендант обходил комнаты — «проверял наличие арестованных».

В то же время и принесли те яйца и молоко. И Юровский сообщил об этом Алику, он был рад этой своей идее — во всяком случае у них будет хорошее настроение. И яйца пригодятся. Потом.

На прогулку в этот день он отвел им час, как обычно. И, как всегда, они гуляли по полчаса — утром и до обеда.

На прогулке их видел охранник Якимов. Он сказал, что гуляли только царь и княжны, а Алексея и царицу он не видел.

Она не выходила и целый день провела в комнате.

ПЕРЕД АПОКАЛИПСИСОМ

Было 7 вечера.

В это время семья Романовых пила чай. Последний чай. Еще утром пришли и забрали поваренка Седнева. Алику очень беспокоило и послала Боткина спросить, в чем дело. Объяснили: у поваренка встреча с дядей, и он скоро вернется.

Осторожный Филипп Голощекин решает на всякий случай протелеграфировать в Москву. И он шлет телеграмму о том, что условленная с Москвой казнь Семьи не терпит отлагательства из-за готовящейся сдачи города.

«Если ваше мнение противоположно, сейчас же, вне всякой очереди, сообщите».

Он хочет заручиться прямым приказом Москвы. Телеграмму эту он шлет через Зиновьева — горячего сторонника расстрела. Он понимает: Зиновьев не допустит отмены прежнего решения о казни. Зиновьев пересылает телеграмму в Москву — Ленину.

В 21 час 22 минуты она была в Москве, как явствует из пометы на телеграмме.

Получил ли Екатеринбург ответ? Или, как часто бывало, Москва промолчала, что и стало согласием?

БЫЛ ЛИ ОТВЕТ ЛЕНИНА?

11 августа 1957 года в «Строительной газете» был напечатан очерк под названием «По ленинскому совету». Вряд ли много читателей было у статьи с подобным названием. И зря — очерк был самый что ни на есть прелюбопытнейший.

Героем его был некто Алексей Федорович Акимов — доцент Московского архитектурного института. У Акимова было заслуженное революционное прошлое, о котором и писал автор очерка. С апреля 1918 года по июль 1919-го Алексей Акимов служил в охране Кремля — вначале он охранял Я.М.Свердлова, а затем В.И.Ленина.

И вот газета рассказывает случай, произошедший с Акимовым летом 1918 года...

«Чаще всего он стоял на посту у приемной В.И.Ленина или на лестнице, которая вела в его кабинет. Но иногда ему приходилось выносить и другие поручения. Мчатся, например, на радиостанцию или телеграф и передавать особо важные ленинские телеграммы. В таких случаях он увозил обратно не только подлинник телеграммы, но и телеграфную ленту. И вот после передачи одной из таких телеграмм Ленина телеграфист сказал Акимову, что ленту он не отдаст, а будет хранить у себя. «Пришлось вынуть пистолет и настоять на своем», — вспоминает Акимов. Но когда через полчаса Акимов вернулся в Кремль с подлинником телеграммы и телеграфной лентой, секретарь Ленина многозначительно сказал: «Пройдите к Владимиру Ильичу, он хочет вас видеть».

Акимов вошел в кабинет бодрым военным шагом, но Владимир Ильич строго остановил: «Что ж вы там тавторили, товарищ? Почему угрожали телеграфисту? Отправляйтесь на телеграф и публично извинитесь перед телеграфистом».

В этом очерке, в который раз свидетельствовавшем о чуткости вождя нашей революции,

жет быть, гораздо важнее, чем жить: это входит в профессию вождя.

Вот эта часть его жизни — после отречения вплоть до гибели в подвале Ипатьевского дома — была безупречна. Он знал свою судьбу. Не мог знать, конечно, участи детей, ибо ни в одной стране нельзя и предположить, что будут убивать четырех дочерей. Такое могло прийти в голову только в безумии революции. Всякая революция — безумие, обыкновенное безумие организма, именуемого народом.

— О жизни царя вы узнавали из его дневника. Но в вашей книге действуют и его убийцы, они тоже сами рассказывают о себе?

— Шесть человек, находившихся внутри комнаты, где расстреливали Семью, детально описали, как они убивали мальчика, невинного доктора и слуг. Они преподносили это как героический подвиг. Они боролись за право быть убийцами. Мне не пришлось сочинять об этом ни строчки. История расстрела, которая должна быть тайной, рассказана его исполнителями минута за минутой. Читатели увидят это сами. Притом что участники убийства не испытывали ненависти к несчастным жертвам, они выполняли революционный долг. Один даже писал, что ему выпало счастье исполнить этот долг.

— По мере многолетней работы над книгой вам открывались какие-то неожиданные вещи?

— Все было неожиданным, все — открытие. Каждый персонаж — Распутин, Вырубова, императрица-мать, Кровавое воскресенье — все оказывалось другим.

Документы, которые я обнаруживал, все но-

АВТОР

На вопрос, почему после пьес о любви он решительно сменил жанр и тему, обратившись к документальному роману о трагедии последнего русского царя, Эдвард РАДЗИНСКИЙ столь же решительно возражает:

— Я не менял ни того, ни другого. По образованию я историк, у меня есть пьесы «Беседы с Сократом», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Луний». Просто существуют как бы два драматурга с одним именем, есть два мира, в которых я живу: любви, где женская тема преобладала, и общества, населенного очень серьезными людьми, зовущимися Сократ, Луний и т.д. Переходить из одного мира в другой очень удобно — спустя какое-то время я понял, что никаких исторических пьес не бывает: меняются костюмы, эпохи, а люди все те же. Рим эпохи Нерона и Советский Союз периода Брежнева до смешного похожи, даже лозунги одинаковые: «Народ и сенат едины». Николай II для меня лишь часть огромного исторического проекта: от Сократа, Нерона и Луния я должен был перейти к нашему времени.

Этот проект состоит из двух книг: первая —

Непредсказуемая Россия

последний царь, вторая — первый революционный царь, то есть Сталин. Монархия в России никогда не прекращалась. После Романовых она стала называться коммунистической, но от этого не перестала быть монархией, что очень точно передал Волошин: «В комиссарах дурь самодержавья, взрывы революции в царях». Сейчас мы наблюдаем удивительный парадокс: коммунисты, убившие государя императора, носят его портреты и становятся монархистами.

— Что послужило непосредственным толчком к вашему исследованию о Николае II?

— Были замыслы на тему «Драмы революции». Очень давно я прочитал дневник Николая II и понял, что он 36 лет, почти каждый день, писал роман своей жизни и что он мой чистый, абсолютный соавтор. Я решил, что настала пора рассказать о жизни царя его собственными глазами. Мне хотелось нарисовать его психологический, отнюдь не политический портрет. До этого существовала живопись, написанная революцией, — «Николай кровавый» и контрреволюцией — «святой и его окружение». Под наслоениями политической живописи я пытался найти подлинного человека.

В судьбе последнего российского императора, в революции 1917 года — все истоки современных проблем: мы сделали огромный круг, вернувшись к тому же началу. Это случи-

лось потому, что мы не выполнили задач, поставленных революцией, — изменить социальный строй, изменить общество. Россия шла к капитализму и пришла к нему, а потом произошло то, что в советском анекдоте называется «долгий путь от капитализма к капитализму».

Сегодня меня спрашивают: как это Николай II, слабый царь, не предвидел революцию 1917 года? Но в 1914 году, когда правил тот же царь, а В.И.Ленин с печалью констатировал, что не увидит революцию при жизни своего поколения, только сумасшедший мог всерьез говорить о крахе Романовых. Кто в 1987 году брался предсказывать, что через пять лет Советский Союз рухнет и слово «коммунист» станет ругательным? В истории этой страны все крайне загадочно, и мне было чрезвычайно интересно написать о человеке, который жил в такое невероятное время. Он был обречен, потому что в России были сорваны реформы, начатые его дедом, Александром II. На долю этого милого, доброго, очаровательного человека выпала самая сложная эпоха, и только благодаря двум министрам-гигантам (Витте в первую очередь и Столыпину) он больше 22 лет правил Россией. Царь совершил массу ошибок, я не занимался их анализом, меня интересовали их результаты, которые сказались на его судьбе. Но вторая часть его жизни поразительна. Потому что для политического деятеля умереть, мо-

была одна очень странная деталь: ни слова не говорилось, о чем была эта «особо важная телеграмма», которую, угрожая револьвером, отнимал у телеграфиста Алексей Акимов.

Из письма Н.П.Лапкина, директора музея завода «Прогресс» (Куйбышев):

«Есть у нас в музее машинописная запись беседы А.Ф.Акимова с А.Г.Смышляевым, ветераном нашего завода, занимавшимся поисками материалов по его истории.

В протокольной записи этой беседы, состоявшейся 19 ноября 1968 года, со слов А.Ф.Акимова записано следующее:

«Когда тульский (ошибка в записи — уральский. — Авт.) губком решил расстрелять семью Николая, Совнарком и ВЦИК написали телеграмму с утверждением этого решения. Я.М.Свердлов послал меня отнести эту телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал — поосторожнее отправляй. Это значило, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту.

Когда телеграфист передал телеграмму, я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже узнал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит: «Тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку»...

Итак, в Екатеринбург от СНК и ВЦИК (то есть от Ленина и Свердлова) пошла эта телеграмма «с утверждением этого решения» — о казни царской семьи.

В Екатеринбурге в этот момент уже шло к полуночи. Они все ждали ответа. И уже за полночь получив ответ, Голощекин отправил грузовик. Это и была причина, по которой, опоздав на два часа, только в половине второго ночи пришел грузовик с Ермаковым. Об этой задержке с досадой напишет в своей «Записке» Юровский.

Пока в Екатеринбурге ждали телеграмму, семья готовилась спать. Алексей спал в эту ночь в их комнате. Перед сном она подробно описала в дневнике весь день — последний день.

«3 (16) июля, вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Вэби слегка простужен. Все ушли (на прогулку) на полчаса утром. Ольга и я принимали лекарство. Татьяна читала духовное чтение. Когда ушли, Татьяна осталась со мной и мы читали книгу пророка Авдия и Амоса».

Из книги пророка Авдия: «Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твоё, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

И, слушая эти священные грозные слова, вдруг затихла, задумалась Татьяна.

«Играли в безик с Николаем. 10.30 — в кровать...»

В это время к дому Попова подошли двое подвыпивших охранников. Это были стрелки Проскуряков и Столов.

Вчера была получка (мы это запомним). Они напились у знакомого милиционера и весело вошли в дом Попова. Но там их встретил начальник охраны Павел Медведев. Он был почему-то очень злой и с матом загнал их обоих в баню во дворе дома Попова. Ночь была теплая. Они улеглись и тотчас заснули.

Между тем охранник Якимов разводит караул. На пост номер 7, у дома, встал стрелок

Дерябин. Пост номер 8, в саду у окна в прихожую, занял стрелок Клещев. Якимов расставил посты и пошел спать.

Она закончила запись в дневнике — отметила температуру воздуха: «15 градусов». Это и стало последними словами.

Они помолились перед сном. Девочки уже спали.

В 11 часов свет в их комнате погас...

В доме Попова — напротив Ипатьевского, где на втором этаже жила охрана, на первом проживали обычные городские обыватели. Поздно ночью проснулись двое. Глухие выстрелы... много выстрелов — там, снаружи, откуда-то из-за забора того страшного дома. Ипатьевского дома.

И оба тихо зашептали друг другу:

— Слыхал?
— Слыхал.
— Понял?
— Понял.

Опасная жизнь была в те годы, и опасливы были люди, хорошо усвоили они: только опасливые выживают. И оттого ничего более не сказали друг другу, затаились в своих комнатах до утра.

Об этой своей ночной беседе в ту теплую, пахнущую «ароматами садов» ночь на 17 июля рассказали они потом белогвардейскому следователю.

17 июля.

УТРО В ИПАТЬЕВСКОМ ДОМЕ

Утро было хмурое. Но опять, как вчера, распогодилось, цвели сады — «аромат садов», как написал он.

По-прежнему неслись караулы вокруг Ипатьевского дома. Из монастыря в то утро опять пришла послушница и, как накануне, принесла яйца, сливки. Но в этот раз послушницу в дом не пустили. На крыльце ее встретил молодой помощник коменданта Нику-

лин. Продуктов он не взял и сказал: «Идите обратно и больше ничего не носите».

17 июля для непосвященных членов исполкома Совета Белобородов разыграл забавнейшую сцену под названием: «Сообщение о расстреле ни о чем не ведающей Москве».

Один из этих непосвященных — редактор газеты «Уральский рабочий» В.Воробьев — добросовестно описал эту сцену в своих воспоминаниях: «Утром я получил в президиуме облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых. «Никому пока не показывай», — сказали мне. — Необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с Центром». Я был обескуражен. Кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в своей газете такой редкой сенсационной новостью: не каждый день случаются такие события, как казнь царя! Я поминутно звонил по телефону, узнавая, не получено ли уже согласие Москвы на опубликование? Терпение мое было подвергнуто тягчайшему испытанию. Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова. На телеграф для переговоров с ним поехали Белобородов и еще кто-то из членов президиума. И я не утерпел, поехал тоже. К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал говорить ему то, что надо передать Москве».

(Надо было передать Москве, что в результате наступления белых и монархического заговора по решению Уралсовета расстрелян Николай Романов, а его семья эвакуирована в «надежное место»).

Это и передали:

«Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка доку-менты в наших руках. Постановлением прези-

диума облсовета расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд Красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы)... президиум облсовета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях...»

После чего начали ждать ответа из Москвы. Затаив дыхание, мы все качнулись к выполнявшей ленте ответа Свердлова:

«Сегодня же доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Нет сомнения, что оно будет одобрено. Извещение о расстреле должно последовать от центральной власти, до получения его от опубликования воздержитесь».

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным».

А за день до того — 17 июля в девять часов вечера — посвященные члены Совета отправили посвященным членам Президиума ВЦИК следующую зашифрованную телеграмму:

«Москва, Кремль, секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации».

Эту телеграмму потом захватили белогвардейцы в екатеринбургской телеграфной конторе, и ее расшифровал белогвардейский следователь Соколов.

Но еще раньше, утром, они отчитались перед главой партии...

В 1989 году после первой моей статьи в «Огоньке» я получил прелюбопытнейшее письмо.

Анонимный автор писал:

«В свое время, работая в Центральном партийном архиве в фонде Ленина, я видел странный пустой конверт со штампом «Управление делами Совнаркома».

На конверте была надпись:

«Секретно. Тов.Ленину из Екатеринбурга. 17.07. 12 часов дня».

Из этой надписи легко было понять, что в конверте когда-то хранилась какая-то секретная телеграмма, которая была послана из Екатеринбурга ранним утром 17 июля, т.е. после убийства. На конверте стояла также роспись самого Ленина: «Получил. Ленин». Но самой телеграммы в конверте не было — конверт был пуст...»

Проверить это письмо я тогда не смог — в партийный архив меня категорически не пустили...

И вот новые времена, я сижу в бывшем Центральном архиве Коммунистической партии.

И передо мной лежит этот пустой конверт от секретной телеграммы с ленинским автографом о ее получении...

Есть что-то грозное в этом оставшемся свидетеле убийства — пустом конверте с грустиво вынутой телеграммой и такими ясными надписями.

Конверт от секретной телеграммы представлен для книги Эдварда Радзинского Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории. Публикуется впервые.

Управление делами Совета Народных Комиссаров.

Секретно.

Тов. Ленину

из Екатеринбурга

17/7 12-дня

Москва, Кремль.

№

Андр. Свердлову Роману
получено 19-10-1917. Руссе

вое, что встречалось попутно, я тотчас давал в печать. Если бы я жил в другой стране, конечно бы, этого не делал: это моя книга, мой хлеб. Но я нахожусь здесь и знаю, что все обратимо — и сегодня, и завтра. Поэтому спешил заполнить паузу. Результат был неожиданным. Пошла масса писем, расследование стало всеобщим. Я получал множество таких яростных писем, с такой жадной мнением, что понимал: я не могу печатать сейчас книгу под названием «Господи... Спаси и усмири Россию». Мне пришлось прервать начавшуюся публикацию в «Дружбе народов». Книга вернулась, как принято, кружным путем. Теперь — ее время. Оно разительно изменилось, мы даже себе не представляем, насколько: только в этой стране оно так быстро меняется.

— В этой связи возьмете ли вы на себя смелость сделать прогноз о будущем России?

— Любое пророчество подобного рода вызывает у меня лишь усмешку. Это непредсказуемая птица-тройка, народы, косясь, постанывают. Одно ясно: играть с нею опасно. Революция 1917 года возникла внезапно. Толпа вдруг вышла на улицы. Более того. Революция началась неожиданно даже для тех, кто ее готовил. Поэтому внушать народу, что ныне им управляют ничтожества, крайне опрометчиво. У страны есть традиции уважения к власти и одновременно — абсолютная, обязательная традиция пренебрежения к власти предыдущей, она ее сдувает, как пушинку с рукава. Всякие игры в неуважение, призывы разбудить народ и повести громить чреватые катастрофой. До сих пор с рук сходило. Десять раз может

сойти, но когда наступит полная тишина и замедление, толпа вдруг проснется. А если это случится, Югославия и Таджикистан покажутся шуткой. В России умеют и ненавидеть, и воевать. Что такое русский бунт, исчерпывающе объяснил Пушкин. Поэтому пусть маленькие люди не играют с большой страной.

— Итак, книга о последнем императоре выходит. А первый революционный царь тоже сулит неожиданности?

— Сейчас, как ни странно, о Сталине писать проще: страна к нему равнодушна. Но нет ответа на вопрос, каким образом этот палач, монстр и шизофреник собрал самую великую империю XX века под названием «социалистический лагерь» во главе с СССР? Как он сделал это из ничего, из мятежной страны, имея мятежную партию, интеллигенцию, которая еще вчера дышала воздухом свободы? Как создал из этого дисциплинарный отряд, пристегнул к нему все рабочее движение, заставил лгать Романа Роллана и Фейхтвангера — замечательные умы Европы, как обманул и победил Черчилля и Рузвельта? С чего все началось?

— Судя по всему, из двух драматургов с одинаковой фамилией остался один.

— Боюсь, второго уже не будет. Революция продолжается. Сталинская шинель, из которой мы все вышли, я в том числе, — на мне. Книга о Сталине вся будет состоять из новелл, сочиненных им же. Он был хоть и не большой ученый, но большой сочинитель.

Ольга МАРТЫНЕНКО

ИЗДАТЕЛЬ

Время книги пришло

По мнению директора «Вагриуса» Владимира ГРИГОРЬЕВА, книга, которой Эдвард Радзинский отдал 17 лет жизни, — самое полное и убедительное документальное исследование, посвященное последнему русскому царю.

Несмотря на то, что на Западе вышло огромное количество книг о Николае II, новая работа Радзинского уже издана в 16 странах и пользуется небывалым успехом: это удивительно цельное произведение, сочетающее глубокий анализ и мощный эмоциональный заряд.

В 1991 году, продолжает директор, он напечатал отрывок из нее в «Огоньке». У нас, будущих организаторов «Вагриуса», работавших тогда в издательстве АПН, возникла идея опубликовать книгу полностью. Мы связались с Радзинским и с тех пор вместе занимались архивами, подбором иллюстративного материала, координировали издания книги за рубежом. На какое-то время публикация в «Вагриусе» была приторможена по желанию автора: он не хотел воздействовать на чересчур политизированное общество.

Сейчас выпускаем сразу четыре варианта издания. Первое, и самое дорогое, — в вели-

колепном полиграфическом исполнении. Все экземпляры будут скорее всего пронумерованы и станут раритетами. Второе издание печатается в США для русскоязычной диаспоры. Бывшая «Межкнига» извлекает прибыль, продавая наши книги за границей, и на этот раз мы решили сами воспользоваться возможностью заработать валюту. Третье и четвертое издания в твердой и мягкой обложке пойдут в широкую продажу в России.

Конечно, наш интерес не ограничивался экономическим расчетом. Прежде всего нас увлек замысел автора. По сути, кроме Радзинского никто и не брался за раскручивание загадочной жизни и смерти последнего российского императора. Радзинский, пожалуй, единственный, кто воссоздал характер, внутренний мир этого человека. Автор ставит вопросы, над которыми мы никогда и не задумывались. Почему, например, белые, успешно продвигаясь по Уралу и Сибири, Екатеринбург просто обошли, не пытаясь спасти бывшего императора.

— Намерен ли «Вагриус» выпускать произведение, подобное труду Радзинского?

— Он сам уже пишет книгу о Сталине. Но если говорить об отечественных авторах, они вряд ли сопоставимы с Радзинским.

Татьяна АНДРИАСОВА